

Когда он вышел из метро, сориентировался и направился в сторону старой брежневской панельки, то всю верхнюю часть его тела, от солнечного сплетения до самой макушки, внезапно охватило непонятное, доселе никогда не испытываемое напряжение.

Что это было?

«Все мои бесы взбесились, — сказал себе Константин Геннадьевич и неожиданно обрадовался, — значит, туда иду». Константин Геннадьевич шёл на отчитку, в полной уверенности, что страсть, что его обуревала, после отчитки немедленно уйдёт. Во всяком случае так ему обещала старинная знакомая, жена священника, заядлого пьяницы, немедленного протрезвевшего после визита к старцу, на отчитку.

Дверь открыла полная ухоженная женщина неопределенных средних лет. Пароль: «Я от отца Георгия из n-ского монастыря и Марины из Соликамска, звонил Вам на мобильный, назначено на 12 часов на сегодня. Она улыбнулась и пригласила пить чай на кухню со словами: «Помолимся. И как Бог велит, может повидаетесь, а, может, отпустит восвояси... — и дальше, вроде как не к месту: и будет у нас, со свиданьем».

Потом вышла куда-то, быстро вернулась: «Пошли, примет. Велел вести».

Старец был непонятных лет: может, 60, а может и все 90. Бывают люди, у которых волосы не седеют целиком, а останятся пегими, неопределенными, вот и у него волосы были неопределенного цвета, а глаза быстрые, как и все движения.

Начало было ошеломляющим: «Ты скажи мне, есть ли мировое правительство или нет?» Константин Геннадьевич запнулся и внутренне присвистнул: «Ещё этого не хватало, сейчас будет грузить, — но внешне собрался и промямлил: Вообще-то есть всякие элитные клубы». Старец смотрел на него насмешливо и сверлил глазами-буравчиками: «Вообще-то! Вообще-то! Скажи, пожалуйста! Ты должен знать. Не помнишь? Ну ладно, вспомнишь, как-нибудь. За что это мне?»

На прощание он дал Константину Геннадьевичу свои стихи и песни и наказывал, пока не раздаст стихи 50 человекам, у него не появляться.

Это было не то, чего он ждал. Не было отчитки, а был странный разговор-наставление — и вдобавок, почему он должен знать про «мировое правительство»?

Стихи он размножил и потихоньку раздавал, иногда смущенно приговаривая: «Ну что вы хотите, наивные стихи про Родину очень старого человека, очень наивные, но очень чистые, одним словом, старец написал — берите».

Константин Геннадьевич был юморист и неисправимый оптимист — не верил он ни в дурные знаки, ни в мрачные предсказания. И когда настала зима-весна 14-го, не верил в серьезность происходящего на Украине.

Когда ему как-то в январе 14-го дама в автобусе по пути от Мариуполя в Севастополь говорила: «Вы видели этот ужас на ТВ с избиваемыми ребятами», — то он её спрашивал, откуда она знает, что в реальности происходит именно это, что то, что ТВ показывает, имеет хоть какое-то отношение к реальности.

Потом, кстати, ему это дорого обошлось: когда его осенью того же 14-го старинный московский друг спросил о том, что он думает про танцы на киевском майдане — «кто не пляшет, тот москаль», — и он ответил, что ни он сам, ни люди, которым он доверяет, этих плясок не видели. А ТВ может изобразить всё, что угодно, и друг объявил его предателем Родины и либералом паршивым, раз он подвергает сомнению то, во что должно верить, — и с ним порвал.

У Константина Геннадьевича был свой небольшой бизнес на Украине. И поскольку, он твердо верил в то, что залог устойчивости бизнеса — не делать лишних расходов, то он ездил туда так: автобусом до Ростова, потом ночным минским поездом до Иловайска, всего 3 часа, на станции переходил границу, далее автобусом до Донецка и дальше во все стороны, всего ночь в пути, что в Киев, что в Харьков, что в Одессу.

Так ездил он и весной 14-го, потом рассказывая, что то, что он видел, было совсем не тем, что показывалось в телевизоре и в интернете.

Интернету он тоже не верил — когда-то его друг, пиарщик, рассказывал, что нашел себе забаву между выборами — раскручивал форумы — спорил сам с собой, замаскировавшись под десятками ников. Потом у них даже возникла с другом игра-угадайка: нужно было разгадывать, что из писанины в интернете о Константине Геннадьевиче написано от своего лица, а что написано «аватарами» друга. А когда пошли развиваться сети, друг поделился, что, так сказать, заложил в сетях несколько мин замедленного действия. Константин Геннадьевич тогда удивился, как это возможно, а потом вспомнил, как к нему в друзья напрашивался кто-то с недавней конференции, а он никак не мог вспомнить, кто это, но на всякий случай присоединил и понял, что это в принципе возможно. Друг, видимо, понял тогда, что сболтнул лишнего, больше на эту тему не говорил и вообще постарался дистанцироваться.

То, что видел он весной 14-го на Донбассе, было похоже скорее на что-то из Гоголя и Булгакова, чем на ТВ новости или политологические построения.

Вот идет март. В СМИ шум, гам, тарарам по обе стороны границы.

В 4 утра он сел в поезд в Ростове и вдруг понял, что забыл код на кодовом замочке на чемодане. Его прошиб холодный пот. Ведь на таможне попросят открыть чемодан, и то, что он не сумеет открыть, ссылаясь на забытый им номер, заставит таможенников его задержать, и будут они искать и искать, разберут чемодан на винтики. Особенно в «такое» время. Он молился и медитировал, пытался заснуть, чтобы увидеть во сне злосчастный номер — ничего не помогало. Он вышел на станции в 6 утра по местному времени и с чувством обреченности побрел на таможню.

На таможне не было ни единого таможенника, хоть гранатомет тащи, а единственная пьяная пограничница с трудом поставила печать в миграционку и вяло махнула рукой.

Начало апреля. Нашел дешевое такси. За каких-то 1000 рублей везет от Ясиноватой до Ростова. Когда подъезжали к границе, веселый таксист сказал: «Внимание, а сейчас фокус-покус. По всем украинским каналам день и ночь трубят про то, как вдоль всей

границы копаются защитный противотанковый ров, копаются день и ночь, день и ночь, и даже показали это копание и панораму рва. А теперь смотрите». И мы увидели ров метров в 150–200, загибающийся дугой так, чтобы было удобно панорамировать камере, канаву и рядом с ней застывший экскаватор, изображавший непосильный труд.

«Представляете, сколько денег на этом отмыли?» А весёлые российские пограничники в той поездке рассказали, как с украинской стороны подогнали танковый полк, но без провианта, и голодные солдаты ходят тайком через границу, охотятся за продуктами.

9 мая. Серьезного вида украинский пограничник спрашивает, куда я еду. Я показываю отсканированный билет от Донецка до Киева, оригинал мне в Донецке должен передать знакомый. Он вздыхает и со словами: «В ознаменование дня Победы» — ставит печать в миграционку. Таможни никакой нет и в помине, около станции перешагиваю через «противотанковый ров» шириной 40 см и сажусь на автобус на привокзальной площади.

Дорога до Харцызска. Блок-пост. Это сложенные полукругом мешки и аккуратно сложенная камуфляжная одежда. Спрашиваю у соседа. Он буркнул: «Приедет телевидение, оденут и будут позировать».

Около Макеевки на блок-посту одинокий милиционер с автоматом курит сигарету и задумчиво взирает в небо.

В Донецке автобус на ж/д вокзал шёл мимо обл администрации. 8.30 утра 9 мая. Вокруг администрации баррикады, колючая проволока. И ни одной живой души. «Все ушли. Устали», — ехидно сказал сосед в автобусе, заметив мой взгляд.

9 мая у Константина Геннадьевича намечены были дружеские посиделки в Донецке. И они не состоялись. Друзья не смогли приехать с дачи под Красным Лиманом. Позвонили. «Представь. До Лимана всего-то 5 км, всего ничего, но ехать лесной дорогой. По одиноким машинам из леса стреляют. Кто, что — никто не знает. Но если попадают, то все друг на друга валят. У нас караван до Лимана не собирается. Так что извини, друг».

19–20 мая. Одесса. Всё движется, люди живут своей жизнью. Среди множества встреченных людей в эти дни только у двух болели видимым образом прошедшие дни смертельного пожара.

В первом случае дочь знакомой, воспитанная бабушкой-коммунисткой, попала в молодежную организацию компартии, 1 мая пошла «гудеть» с парнями-девчатами за городом на «маевке». А на 2 мая мама запланировала переклейку обоев с использованием дочери под лозунгом «хватит, нагулялась, пора и честь знать». И дочь никуда не пошла. А 2 мая среди сгоревших — 4 человека из тех, с кем она «маевничала» 1 мая.

Во втором случае знакомая рассказывала, что много лет подряд они с мужем ездили на 9 мая под Одессу на мемориал какой-то батареи, оборонявшей город в 1941-м. Там погиб её дедушка, фамилии выбиты на мемориальной доске. И вот утром 9-го 2014-го они призадумались. Впервые. Полдня боялись. А потом решились и поехали. Возложили цветы. И ходили, и стояли там молча, и другие тоже. Только раскланивались. Боялись лишнее сказать.

Что по всему этому поводу думал Константин Геннадьевич? И думал ли?

Однажды, лет за 5–6 до этого, он сделал для себя неожиданное открытие — люди в России и Украине в массе своей не заметили распада СССР. Он не был для них значимым событием. Вот смерть близкого человека, развод, рождение ребенка были такими событиями. Заккрытие завода — было. А распад — нет. Не вошел он в их жизнь.

Вообще, сделал вывод Константин Геннадьевич, все эти пропагандисты, пиарщики, думающие, что они действительно влияют на людей, в основном, проезжают мимо кассы. И слава Богу! Для людей это шоу, просто шоу. Влиять начинает, попадает в их жизнь что-либо только тогда, когда что-то происходит с жизнью, здоровьем их, их близких или с имуществом. Удивительным образом, непостижимым образом, но для большого числа одесситов гибель людей 2 мая оказалась лишь темой для разговоров, не потрясла основания их жизни. Во всяком случае, для тех одесситов, у которых там не было близких людей.

Чаще всего политические предсказания Константина Геннадьевича подтверждались, но не специально, а невзначай сделанные, но этой весной он пару раз крупно провалился.

Первый раз — с Крымом. Он был уверен, абсолютно уверен, что с американцами по

поводу Крыма договорятся и не будет никакой катавасии с Крымом, с последствиями.

Второй раз — с Порошенко. Ему казалось, что, придя к власти, он тут же обнулит военную операцию Турчинова-Яценюка в Донбассе и начнет переговоры.

В 20-х числах мая 2014 года он ехал на поезде из Киева в Симферополь, тогда еще были возможны такие поездки.

В купе ехали двое украинских военных и бизнесмен — спортсмен-любитель.

Константин Геннадьевич сел в купе и вспомнил всё. Когда соседи, узнав в нём россиянина, спросили его, что он думает о происходящих событиях, то он отвечал, что напоминают они ему пережитое им землетрясение в Гималаях. После первого удара стихии все тибетцы выбежали на улицу, а европейцы и американцы даже не поняли, что происходит. Выяснилось, что тибетцы всегда помнят о том, что живут в высоко сейсмической зоне, и не селятся выше 1 этажа. Украина с 2004 года уже 10 лет в сейсмической зоне, но на это никто здесь не обращал внимания.

Слушатели перестали разливать коньяк и попросили пояснить.

Он попросил у слушателей терпения и начал. «В самом начале 90-х мне позвонил один приятель и пригласил в научный центр — туда приехали финны что-то рассказывать про психоанализ...»

До этого с финнами Константин Геннадьевич имел дело воочию один раз — когда-то в середине 80-х в Москве попал на лекцию финского управленческого консультанта, возвращавшегося из Японии. Тот рассказал много удивительного, не описанного ни в одной из книг. А эстонцы, к которым в командировки он повадился ездить в те же времена, в качестве мечты ему не раз высказывали: «жить как финны», — в общем, финны были ему тогда интересны. И он поехал на лекцию. И познакомился с лекторшей, финкой, прекрасно говорившей по-русски. Та рассказала ему про свою мать.

1939 год. Две молодые финские пары, две сестры и их мужья, социалисты по убеждениям, отправляются посмотреть, как живет страна их мечты — Советский Союз. До Ленинграда им доехать не удалось, их арестовали, обвинили в шпионаже. Парней расстреляли немедленно. А девушкам дали срок. И поехали они в Гулаг, в Казахстан. Девушки были непуганые, авантюрные. В районе Сталинграда им удалось сбежать, они посмели бежать. Сообразили, что будут искать двоих — обнялись и пошли в разные стороны. Матери Хелен (так звали новую знакомую Константина Геннадьевича) пришла в голову спасительная мысль — ночью она взломала и ограбила продуктовый ларек. Её быстро поймали, выдавала она себя за беглую с каких-то трудовых повинностей карелку. Ей дали по уголовке три года и отправили сидеть — и работать. В лагерях беглую финку НКВД не догадался разыскивать. Когда она вышла, то отправилась туда, где, по её представлениям, её точно никто не искал бы — в Махачкалу. Устроилась уборщицей в аптеке. На ней женился пожилой аптекарь, еврей. Родилась дочь Лена. В 50-е, после смерти мужа, добралась до Москвы, до финского посольства... Так что Хелен знала язык русский с рождения.

Хелен, по её рассказам, претерпела много приключений в своей жизни, пошла на психоанализ, избавилась от того груза, что её тяготил, пошла учиться. И сама стала психоаналитиком одной из школ психоанализа. Изюминка этой школы была в том, что её центр располагался ни в Европе, ни в Штатах или Канаде, ни даже в Австралии, а в Бразилии.

Константин Геннадьевич с Хелен заприятельствовал, а года через 2–3 получил приглашение приехать в Лондон на конгресс этой психоаналитической ассоциации. И хотя сам он никаким психоаналитиком не был, даже и близко не стоял около психоанализа, но Лондон манил. К тому же приглашающая сторона обязывалась оплатить все расходы, кроме полета туда и обратно.

Лондон, май 1994 года. Чудная погода. Конгресс собрал кучу народа из самых экзотических стран — от Японии до Португалии, от Бразилии до Австралии.

Но на Конгресс не приехал президент ассоциации — бразилец немецкого происхождения Норберто Кеппе. Впрочем, там были его помощники и даже его адвокатша, очень симпатичная бразильянка. И там Константин Геннадьевич услышал несколько историй, смутивших и возмущивших его тогдашнего — возможно, поэтому и запомнившихся.

Как ему они запомнились? Когда-то Кеппе жил и практиковал в Штатах, в Нью-Йорке. У него была неплохая клиентура. И даже профессура Колумбийского университета. В том числе один загадочный профессор. Поскольку в 90-е Кеппе страшно боялся организации под будничным названием «Трехсторонняя комиссия», то Константин Геннадьевич позже, когда вспоминал эту историю, понял, что речь шла о Збигневе Бжезинском.

И вот как-то этому загадочному клиенту психоаналитика пришла в голову мысль о том, что все проблемы Штатов — от того, что там меняются правительства, президенты, и вместе с ними все время меняется курс. Вот в СССР 30 лет у власти был Сталин — и какие успехи (этот польско-американский малый не любил вдаваться в детали, соответственно, не знал — или не хотел знать, — как курс Иосифа Виссарионовича менялся и как с каждым таким изменением из власти, а часто и из жизни, выпадала очередная порция его соратников, а иногда и друзей).

Бжезинским овладела идея, что нужно создать организацию — держатель курса Штатов, обеспечивающую ее стратегию — несмотря на меняющиеся правительства.

Кеппе честно разбирал с ним, на кой ляд ему это сдалось.

В один прекрасный момент Бжезинский вышел из анализа и создал-таки такую организацию — «Трехстороннюю комиссию», нашел для нее спонсора — Дэвида Рокфеллера — и стал многолетним ее исполнительным директором, а потом и просто «лидером».

Кеппе сделал ответный ход. Так просто он этого не оставил. Он написал книгу на основе истории болезни Бжезинского и ещё ряда интересных клиентов. Книга называлась «Психопатология власти». В ней на основе историй болезней всем этим клиентам ставился диагноз — маниакально-депрессивный психоз. Два вида мании наблюдал Кеппе у них — теоманию и мегаломанию. Теомания — это думать, что ты — Бог. Мегаломания — что весь мир — пластилин в твоих руках. Кажется, шел 1974, 75 или 1976 год. Когда книга была в наборе, из типографии Кеппе позвонили и сообщили, что на типографию произведен налет и тираж арестован. Кто арестовал тираж, Константин Геннадьевич в памяти не удержал.

Интернета в те времена не было, единых баз данных тоже — может быть, это и определило дальнейшее, а может, Кеппе, в отличие от его книги, был никому не интересен. В общем, после звонка из типографии Кеппе тут же сорвался — в аэропорт. И улетел в Бразилию. Там была мощная немецкая диаспора. Ему помогли получить там убежище.

История была странная, задевающая, можно сказать — возмущающая, может, поэтому Константин Геннадьевич ее и запомнил.

Константин Геннадьевич был тогда возмущен: как можно разглашать медицинскую тайну, публиковать истории болезни! Да и то, что Бразилия может давать убежище человеку, бежавшему из США, — такое в его голове не укладывалось.

Кстати, позже, Константин Геннадьевич заглянул в интернете в биографию Кеппе и поначалу даже удивился — там годы его пребывания в Штатах были сильно сдвинуты по отношению к тому, что он слышал собственными ушами. А потом вспомнил другие случаи корректировки биографий, с которыми он сталкивался, и перестал удивляться.

Один из попутчиков, спортсмен-любитель, попытался было поторопить Константина Геннадьевича («Скорее, Склифосовский!»), но военные, разложившие закусочку и мерно попивающие откуда-то взявшимися шкаликами коньяк, его остановили: «Давай дальше, батя».

— А дальше так. У меня в 90-х друг был на самой вершине российской власти. Он рассказывал, что атмосфера была всеобщего братания, как у кота Леопольда. Обсуждали создание новой системы безопасности, считали, что в новом мире есть две опасности: международная мафия и метеориты. Потому что крупный метеорит сбить с курса можно только совместным ударом баллистических ракет всех стран, имеющих таковые. Обсуждали, как устроить новую систему безопасности: распустив НАТО и создав новую организацию, включая Россию и Китай, или трансформировав НАТО, включив туда Россию и, может быть, Китай.

И так всё было дружененько и чудненько, пока новый американский президент, «душка» Клинтон, не предложил принять в НАТО Польшу, Венгрию и Чехию.

Это было как гром среди ясного неба. Это не вписывалось в их картину мира. Когда-то была такая поговорка, не помню точно у какого народа: камни не могут падать с неба, так как на небе нет камней.

Главное, что их поразило — это то, что это было неожиданно. Никто этого с ними не обсуждал. И их-то никто не пригласил к вступлению. Это было похоже на открытие супружеской измены. Потом, кстати, Путин, кажется, тоже спросил: «А что, нас в НАТО не примете?»

— Что, Путин так спросил? — удивленно буркнул, чуть не подавившись, коренастый военный.

Тут же бадминтонист начал, видимо поняв, что пришел момент: «Героям слава», — но военный его заткнул: «И что дальше было?»

— Путину отказали, но это через 10 лет, много позже. А тогда — пролегла первая трещина. Признать, что их водили за нос, признать себя идиотами было тогдашней элите очень трудно, даже невозможно. А спустя два года выходит книга Збигнева Бжезинского «Большая шахматная доска». Ее на русский перевели очень быстро, на украинский, по-моему, не переводили вовсе. Я её прочитал тогда. Весь мир он представлял как сеанс одновременной игры на многих досках. На всех досках играет Америка. Что ей надо, её цели в том или ином регионе мира определяет он, Бжезинский, автор книги.

— Мало ли что в книжках пишут фантасты!

— Но это не просто университетский профессор. Этот человек был много десятилетий во главе влиятельнейшей организации, определявшей мирозерцание значительного слоя американской элиты, традиционно более близкой к их демократической партии. Кстати, его правая рука, ученица Олбрайт, тогда стала госсекретарем у президента Клинтона.

В этом смысле это не фантазии профессора — это глобальный политический проект. Бжезинский там пишет, что Россия будет восстанавливаться как игрок на многих досках, и если восстанавливаться в каком-либо альянсе с Украиной, то будет мощным игроком на европейском игровом поле, а если любым способом от нее оторвать и противопоставить ей Украину, то она будет вытеснена из Европы, сместится на Восток и там столкнется с другим сильным игроком — Китаем.

И все, другого про Украину важного ничего там не было.

Кстати, такой проект удалось провернуть англичанам с Россией в начале XX века, когда вместо того, чтобы удовлетворить официальную просьбу Тибета о вступлении в состав Российской империи, принять его, столкнуться в этом деле с сильно одряхлевшей китайской империей и выйти на северные границы британской Индии, Россия двинулась сильно на Восток, в Маньчжурию, и столкнулась там с усиливающейся Японией.

Когда Путин пришел к власти, то он, как я понимаю, пытался свести на нет этот проект.

— Опять про Путина...

— Дослушайте! Что я говорю — нигде не прочтёте.

— Молодёжь, слухай батьку, пусть dokonчит.

— Да, можете пробить по интернету, проверить. Я проверял. А вообще это всё на моих глазах происходило, в моей памяти живёт.

В общем, он попытался задружить с Бушем: вместе пили, шашлыки жарили. Он, в знак демонстрации дружественных намерений и какого бы то ни было желания играть на разных досках, закрыл российские базы на Кубе, во Вьетнаме, помог американцам после 11 сентября быстро открыть свою базу в Киргизии. И всё было вроде дружно и хорошо.

И даже когда в 2001-м в ЕС вступили Литва, Латвия и Эстония, то это ничего не изменило, только обсудили режим железнодорожного сообщения с Калининградской областью, и всё. Я часто тогда в Литву ездил — никаких проблем.

И вдруг в 2004-м в НАТО вступают Литва, Латвия и Эстония. Не вдруг. Заявления о намерениях были, подготовка. Но не ожидали, что это на самом деле реализуется. Что не удастся это остановить, предотвратить. С этого момента всё изменилось. Лично Путин просил их не принимать. Ответили, что, мол, у нас процедура, демократия, отказать им не можем. Он спросил: «А нас примете?» — «А вас — нет, не примем». И выдвинули массу обоснований.

— Кстати, помните третий закон Ньютона?

— Это который?

— Действие равно противодействию. Штаты делают свой шаг, в ответ Россия свой, и так пошло-поехало, появилась засасывающая воронка.

С этого момента в России начало всё меняться. Руководство пришло к выводу, что идёт ползучая холодная война. Что нас рассматривают как соперника и что позиционно нас топят, улучшают позиции для возможной войны. Правящие элиты России приняли вызов. Начали меняться настроения в элите. Из власти начали убираться либерально настроенные люди. И началась новая холодная война.

И Украина оказалась между воюющими сторонами. В сейсмической зоне, 10 лет в сейсмической зоне.

Слушатели входили, выходили, пили чай после коньяка, бегали в туалет. Слушал один. Когда-то Константина Геннадьевича пытались вечером в парке ограбить. Он интуитивно выбрал одного, главного, вожака стаи, и, глядя ему в глаза, спросил, похож ли он на человека, у которого водятся деньги. Тот сказал: «Пошли, пацаны», — и они ушли.

И здесь Константин Геннадьевич нашел одни уши и одни глаза. Правда, сначала этот человек говорил: «Вот Вы объясните: мы верили России как себе, и тут вы всё, что можно, нарушили...» — но потом смолк и был заинтересованно внимателен.

Константин Геннадьевич рассказал ему про Австрию, которая, оказавшись когда-то в подобном положении, между НАТО и Варшавским договором, нашла выход — вписала в Конституцию свой безблоковый статус, позицию неприсоединения и вечный нейтралитет, из неё вышли советские войска, которые там стояли, и она благополучно просуществовала все 35 лет холодной войны. Но в Украине то ли из-за низкого культурного уровня дипломатической элиты, то ли из-за того, что у всех начальников-политиков, сколько их ни сменяло друг друга, была одна идея — схватить и распилить, то ни на начинавшуюся холодную войну, ни на свое положение в ней, ни на опыт Австрии никто внимания не обращал.

Слушатель, не сводя глаз с Константина Геннадьевича, цыкнул на «спортсмена», который опять пытался запеть «Слава героям»:

— И что теперь?

— А теперь Украина стала территорией чужой войны. Причем втёмную, не осознавая этого. Как только она качнулась в одну сторону, в сторону ассоциации с ЕС, то для России возникла цепочка: ЕС, НАТО, проникновение войск противника к самому центру России, причём без всяких боевых действий.

— Не понял, так что, мы — не самостоятельная страна?

— Вы же военный? Мне ли вам объяснять, что во время войны присоединиться к одной из сторон — значит, стать врагом другой.

— Мы стали врагами России?

— Да, не задумываясь об этом. Поэтому первое действие России было связано с отторжением Севастополя.

— Крыма?

— Я думаю, что Крым — операция прикрытия. Севастополь — это же не город, это огромная территория, на которой расположен южный флот России. Идеальная база. Вокруг горы, нашпигованные подводными и подземными штольнями, защитными сооружениями.

— И что? Могла бы перебазировать флот. Денег пожалели?

— А перебазировать некуда. Знаете, во время Великой Отечественной куда перебазировали — в Потти, в Грузию, больше там нет места.

— Что, на всем черноморском побережье России нет места?

— Нет, представьте себе.

— А вы откуда знаете?

— Много проехал, отдыхал всегда на побережье, от Анапы до Сочи, в Турцию или Таиланд не ездил. Нет там нигде даже подобия Севастополя.

— Выпейте.

Военный налил коньяка Константину Геннадьевичу.

Выпили не чокаясь.

— Пьем как на поминках.

— Похоже, сейчас Советский Союз-то и кончается. И что, по-вашему, будет дальше?

— Думаю, Порошенко попытается все обнулить и начать переговоры. Но у него ничего не выйдет, если он или его люди не поймут свою ситуацию и не втянут в переговоры все заинтересованные стороны, включая группировку Бжезинского-Рокфеллера. Знаете, я когда-то занимался конфликтологией, был знаком с одним из участников «гарвардской пятёрки».

— Это кто?

— Это были 5 молодых профессоров из Гарварда, которые помогли когда-то Киссинджеру заключить мир между двумя злейшими и старейшими противниками — Египтом и Израилем — и создали конфликтологию как таковую. Так вот, одно из открытий конфликтологии — переговоры обречены на неудачу, если в них не вовлечены все носители конфликтующих интересов.

— А если не сообразят?

— Тогда, думаю, Россия будет стремиться отодвинуть от себя будущие позиции войск НАТО в наиболее неприятных местах.

— Это в каких?

— Я человек невоенный, но посмотрю на географическую карту — и ясно всё. Вот ездил я вроде по глубинке Индии, из Амритсара ехал, это столица сикхов, где Золотой Храм, слышали?

— Да, слышал что-то такое.

— Вот, чудо света. В общем, сел я в аэропорту, еду в Гималаи, соседний штат, где-то 200 км, абсолютная индийская глубинка. И, представьте себе, часто какие-то площади в их городках и там танки на постаментах, к Гималаям подъехали, так там одна военная часть на другой. Я посмотрел потом на карту и всё понял. Я понял, почему все военные столкновения между Индией и Пакистаном происходили именно в этих местах. Очертания Индии напоминают очертания девушки в сарафане с очень узкой талией. Узкая талия — место, где между Китаем и Пакистаном расстояние всего километров 500. Вот пакистанцы и пытались в этом месте разрезать Индию.

— И что?

— Вспомните карту. Луганская область врезается глубоко на восток России, а за Волгой — Казахстан. От крайней восточной точки Луганщины до крайней западной окраины Казахстана тоже километров 500, не более.

Военные переглянулись. Разливающий опять протянул коньяк Константину Геннадьевичу. Он отказался — голова начала затуманиваться.

Когда Константин Геннадьевич возвращался из туалета и резко открыл дверь в купе, то слышал одно слово — «абвер», — и разговор прервался.

Разговор больше не клеился. Утром коренастый собеседник долго задирался с российскими пограничниками. А когда отъехали от Джанкоя, спросил у Константина Геннадьевича: «А что, если границу вам не удастся отодвинуть от Москвы?»

Видно, что вопрос он долго обдумывал — может быть, всю ночь.

— «Вам» —это кому?

— РФ.

— Ну, я не РФ.

— Ваши соображения об этом?

— Если бы я был вами, то думал бы только над одним: какая мне разница, какие ракеты будут нацелены на мою территорию, российские или американские.

— Я над этим тоже думал. Теперь всё мчится к тому, что нейтрального статуса не будет.

— Мои соображения, если хотите, если Украина помчится в НАТО, то придется России переносить столицу куда-нибудь в Сибирь, подальше от любых границ.

— Время подлета?

— Да, я об этом думал, вижу и вы.

Военный надолго замолчал. Второй, глядя в глаза Константину Геннадьевичу: «Что, к своим возвращаетесь?»

Константин Геннадьевич, вспомнив «абвер», не отвел взгляда, а сказал: «Сон разума рождает чудовищ».

— Чего-чего?

— Так, как я размышляю, должны были бы мыслить вы, не было бы проблем.

— Не в том звании.

— А я вообще не в звании. Я физик по первому, в 90-е бизнесменом стал, приходилось все время думать. Теперь смотрю на всё, начгенштаба себя чувствую. Наверное, вот в чём дело — в 91-м мне уже 37 лет было, я много ездил по стране и весь Союз ощущал своей страной, своей квартирой. Как будто дети разделили родительский дом на части и начинают приводить в свои уделы, комнаты посторонних, которые настраивают их друг против друга. А у родителей — весь дом — их.

— Хо, у нас батя появился.

Коренастый нахмурился: «Всё, майор, молчим. Разумею о сказанном».

Бадминтонист затаил себе под нос какую-то протяжную заунывную мелодию. С тем и подъехали к Симферополю.

То, что вспомнил Константин Геннадьевич в том ночном поезде, сверлило его. Казалось, что всплывшее общее понимание происходящего поможет ему разрешить конфликт. Ему казалось, что он неминуемо что-то придумает, что остановит маховик разворачивающегося безумия, но ничего не придумывалось.

Мировые события разворачивались по Бжезинскому. Неизвестно, понимал ли он сам, что так будет. Скорее всего — нет. Скорее всего, он мнил себя проектировщиком, прячущимся под маской провидца, но потом забылся и стал думать, что он и в самом деле провидец.

Много позже Константина Геннадьевича спросили, «кому принадлежит Крым?», и он уверенно сказал — Бжезинскому. Сочли шутником. Но он не шутил. Крым, он думал, карта в колоде карт маньяка Бжезинского.

В Украине Порошенко ничего обнулять не стал, сделал все, чтобы выйти на прямое военное столкновение с Россией, получил вместо этого территорию, провозгласившую самостоятельность, невозможность с таким наследством претендовать на вступление в НАТО — с одной стороны, с другой — неограниченные возможности для поддержки в стране всех антирусских групп и настроений. Этого Константин Геннадьевич не ожидал. Не ожидал он и того, что в России поднимутся антиукраинские настроения в СМИ, что люди будут настолько всему этому верить.

Константин Геннадьевич с удивлением обнаружил, что Бжезинский выигрывает. Что Россия, сделав совершенно логичные военные шаги и вроде бы не допустив ухода Севастополя и Луганщины, была отодвинута от Европы и сдвинулась на восток. Шахматная партия оказывалась многоходовой.

Россия включилась в глобальную шахматную игру — начала действовать в Сирии.

Что делать?

Константину Геннадьевичу почему-то казалось, что именно он должен придумать, что делать. Когда-то он был увлечен фантастической эпопеей Желязны «Хроники Амбера». Оттуда он взял образ — однажды сделанное злодеяние открыло «чёрную дорогу», и эта дорога, как воронка, начала втягивать в себя абсолютно всё, все пути.

Проект маньяка Бжезинского стал в его представлении той «чёрной дорогой», которая

«сбила настройку», и возможность построения нового мирного мира с диалогом культур провалилась. Ему действительно представлялись возможности: то друзья-политологи спрашивали его, что такое сделать на их конгрессе, то друзья-психотерапевты спрашивают, чтобы им эдакое сделать на своем конгрессе, то еще друзья предложили изобрести что-нибудь для экономического форума. Ничего не изобреталось. То ему выдалась встреча с невидимым Коминтерном, то с невидимым Социнтерном. Они слушали, кивали, но ничего не происходило.

Осень 2015 года. Золотая осень, Питер. Чувство беспомощности захлестнуло Константина Геннадьевича.

Никто ничего от него не просил, никто ничего не предлагал. Он сам поставил перед собой задачу — прервать «чёрную дорогу» — и не знал, как к ней приступить.

И он отправился к Александру Невскому. Обычно в Питере он ходил к Ксении, к Иоанну Кронштадтскому, к Игнатию Брянчанинову. И тут возник Александр. Почему Александр? Он мало что о нём знал. Знал, что тот был большой дипломат — и, пожалуй, всё. Что сумел найти выход из очень сложной политической ситуации, и это определило путь Руси на долгие столетия.

В детстве читал и смотрел про Ледовое побоище и про Тевтонский орден. Потом слышал, что всё было не так, как в фильмах и учебниках его детства. Даже очень не так. Потом РПЦ выпустила книгу к тысячелетию крещения Руси, и там он прочел, что Александр стал названным братом Сартака, сына Батыя, повлиял на решение Батыя разделить Монгольскую империю и организовать собственное государство, уговорил его не давать помощи монголам, осадившим Палестину, в результате чего Иерусалим они не взяли и не разрушили. Но так ли это? Он не был ни в чём уверен — слишком много раз на его памяти книжные факты оказывались фальшивками.

Он пришел к мощам Александра Невского в будний день, ранним вечером, и спросил, что делать, но ответа не последовало. Александр безмолвствовал.

Но на следующий день действительно произошло удивительное, может быть так Александр и ответил - Константину Геннадьевичу позвонила помощница — всё, удалось

раздать последние экземпляры стихов старца.

Старец болел, но принял сразу. Он был каким-то совершенно другим, долго ругался с женщинами, хозяйками квартиры, а потом сказал Константину Геннадьевичу: «Пошли ко мне, только говори коротко, а то умру по дороге».

Константин Геннадьевич напомнил старцу о давней встрече и о том, что вспомнил, что знает о «мировом правительстве».

— Короче.

— Что мне делать?

— А что ты можешь сделать?

— Мне кажется, что если я доведу до большого количества людей сведения о маньяке Бжезинском, его проекте и Трехсторонней комиссии, то может появиться антивоенное движение, разрушающее этот проект.

— Слушай, уже дело не в этом твоём Бжезинском. Появилось много людей, которые это всё используют для себя. Будут приходить другие люди, и всё изменится. Успокойся и жди.

Старец встал и пошел на кухню. Когда он вернулся и увидел Константина Геннадьевича на том же самом месте, то сердито посмотрел на него и буркнул:

— Чего сиднем сидишь, когда я болею?

— А что делать?

— Вот заладил на мою голову — что делать, что делать... Иди, тебе говорят. Я всё сказал.

— Куда идти?

— Восвояси.

Уже в прихожей услышал голос старца: «И Александру Невскому привет сказывай, успокоит тебя».

Сначала в душе Константина Геннадьевича жили обиды и растерянность — встреча со старцем не оправдывала никакие его ожидания.

Так прошло три года. За это время сам Константин Геннадьевич со своим бизнесом попал под информационную войну — на рынок выходили новые фирмы и начинали с того, что расчищали себе рынок массовой антирекламой продукции Константина Геннадьевича. Тут и обнаружилось, как начало всё стремительно меняться, как бывшие конкуренты начали становиться товарищами по несчастью и даже союзниками, а бывшие партнёры — союзниками новых конкурентов. Всё это было внове и неожиданно для Константина Геннадьевича.

Через три года Константин Геннадьевич вспомнил об Александре Невском, залез в интернет и начал что-то типа перекрёстного допроса истории.

Что первое бросилось в глаза — удивительная родственная переплетённость большинства действующих лиц, что не мешало им то миловаться, то воевать друг с другом.

Родился князь Александр в 1221 году. Отец его был князь Ярослав Всеволодович, а мать — Ростислава Мстиславовна, дочь князя Мстислава Удалого, в то время князя Новгородского и Галицкого. «Где Новгород и где Галич...» — задумался Константин Геннадьевич, начал искать, смотреть, сравнивать. И неожиданное открытие поразило его (он еще помнил времена, когда коллекционировались ордена и почётные звания, а грудь Брежнева на фотографиях выглядела как иконостас из орденов и медалей. Потом настали времена, когда модно стало быть кандидатом наук, доктором наук и даже профессором, причем сразу по нескольким наукам, и у всех этих замечательных званий был свой ценник) — он открыл, что в XIII веке на Руси было модно коллекционировать княжеские титулы. Но были два титула, особенно почётных: великий князь Киевский и, пожалуй, самый почётный, — великий князь Владимирский. Почему почетных? Потому что из владения этими титулами ничего не вытекало, кроме обозначения крутизны владельца.

Папа Ярослав то уезжал из Новгорода, то возвращался, оставляя торжественно на княжении своих малолетних детей Александра и Феодора (на год старше братика).

Жизнь текла своим чередом. Новгородцы восставали, дети с их опекунами убегали, потом все договаривались, они возвращались в Новгород. Потом папа римский Григорий IX объявляет северный крестовый поход на финнов; потом, в 1234, новгородцы оказывают помощь финнам и разбивают крестоносцев.

В 1236 году отец Александра князь Ярослав захватывает киевский великокняжеский престол и окончательно уезжает из Новгорода. А в 1238 году новая сила появилась на небосклоне — монголы. Батый идет на Владимир. Великий князь Владимирский Юрий просит военной помощи у своих братьев. В том числе у брата Ярослава. Братья с помощью не спешат. Юрий убит. Монголы пограбили Владимир и ушли. И тут из Киева внезапно выдвигается князь Ярослав и занимает освободившийся самый престижный в тогдешней Руси престол — владимирский. Хоть и пограбленный, но престол. И становится великим князем Владимирским. Тут же из Чернигова выдвигается князь Михаил Черниговский, занимает Киев и становится Великим князем Киевским.

На всё это взирает из Новгорода подрастающий мальчик Александр.

Что происходит параллельно?

1231 год. Прибывшие по приглашению польского князя Конрада Мазовецкого для отражения атак с северо-востока со стороны язычников-пруссов рыцари известного в Европе мощного в те времена Тевтонского ордена начинают свои военные действия против пруссов, живших на территории нынешней российской

Калининградской области. Тевтонский орден действовал очень успешно, натравливая прусских князей друг на друга, постепенно уничтожая коренное прусское население и заселяя территорию немецкими переселенцами. И кто бы мог тогда подумать, что пройдет время, и Тевтонский орден станет страшной угрозой для пригласивших его поляков.

1231 год — Ливонский орден, зверствовавший на территории современных Латвии и Эстонии, которые потихоньку заселял немецкими переселенцами, лишается покровительства папы и начинает рискованные походы на Литву и территории Новгорода.

1234 год — восстают эстонцы против Ливонского ордена, новгородцы им помогают — и ливонский орден выбивают из Эстонии

1236 год — литовцы разбивают Ливонский орден в пух и прах, гибнет магистр ордена. Остатки ордена вбирает в себя Тевтонский орден, до этих пор отказывающийся с ними объединяться, несмотря на просьбы руководства ливонцев. А теперь, после их поражения — пожалуйста. Но на других условиях.

Кстати, в этом походе вместе с Ливонским орденом участвовал и псковский боевой отряд. Псковский князь Ярослав строил свои политические планы, основываясь на союзе с Ливонским орденом.

Декабрь 1237 года — начинается второй крестовый поход на Финляндию.

Июнь 1238 года — Дания с Тевтонским орденом договариваются о разделе Эстонии.

В это же время с Александром проходят переговоры о нейтралитете Новгорода, если снова восстанут эстонцы.

1239 — война новгородцев с литовцами за Смоленск.

И все это, заметьте, параллельно с вторжением монголов на Русь...

В 1239 году восемнадцатилетний Александр женится на дочери Полоцкого князя Александре. 1240 — рождается их первенец Василий.

В 1240 году на небосклоне появилось новое действующее лицо — шведы вошли в Неву. Александр выдвигается издалека, нападает и разбивает их.

Зима 1240–41 годов. Новгородцы, недовольные налоговой политикой, изгоняют молодого князя Александра. Но тут же соображают, что у псковского князя Ярослава вкуче с Тевтонским орденом проснулся аппетит, и он начинает готовиться к нападению на Новгород. Новгородцы обращаются во Владимир к Великому князю Ярославу, чтобы тот посодействовал защите от псковичей с тевтонцами. Возвращается в Новгород князь Александр, организует новгородцев, начинается война. Новгородцам во главе с Александром при помощи подоспевшего из Владимира его брата Андрея удается взять Псков, а 5 апреля 1242 года разбить на льду Чудского озера отряд Тевтонского ордена. Говорят, что тогда впервые под началом Александра сражались не только новгородцы, но и присланные отцом монгольские подразделения.

И, что интересно, руководство Тевтонского ордена тогда успешно решило свою внутреннюю проблему — влившиеся в орден ливонцы продолжали кипеть своими собственными планами, интриговать, думая, что хвост может вилять собакой. Так вот именно они и были перебиты на льду Чудского озера.

Знал ли обо всём этом князь Александр?

1245 — война новгородцев с литовцами, войска под управлением князя Александра побеждают.

1246 — отец Александра великий князь Владимирский Ярослав во время поездки в монгольскую столицу Каракорум умирает. Молва говорит, что отравлен — но кто и зачем это сделал? В Каракоруме должны были с ним познакомиться и утвердить на великое княжение — обычная процедура оформления вассальных отношений у монголов. Есть версия о его отравлении матерью великого хана Гююка, но у версии всего один источник, и то сам имеющий в этом деле собственные интересы.

В следующем, 1247 году Батый отправляет двух сыновей погибшего князя Ярослава — старшего Андрея, а потом и младшего Александра — в Каракорум.

Они едут в дальний путь, а в это время престол великого князя во Владимире захватывает брат Ярослава, их дядя — князь Святослав. Святослав не очень понимает, что настали новые времена и что для спокойного великого княжения нужно еще и договариваться с монголами. Дядю с трона смещает младший брат Андрея и Александра, князь Михаил, тоже не очень понимающий новые реалии. Только он садится на великое княжение, начинается война с литовцами, в которой он в 1248 году погибает.

Константин Геннадьевич погрузился в дебри открывающихся материалов. И чем больше погружался, тем более изумлялся.

И среди татаро-монголов никакого монгольского единства он не обнаружил, обнаружил всё тоже, что и везде.

1241 год — умирает великий хан монгольский Угэдэй. Он завещал власть внуку, но престол захватывает в качестве регентши его вдова Дорегене. Она должна подготовить курултай, где будет избираться великий хан. Она правит, правит в ту сторону, в которой встречает яростное сопротивление Батыя. И вот в 1246 великим ханом становится сын Дорегене и Угэдея Гююк, злейший враг Батыя.

Гуюк плохо себя проявил во время похода на Русь и Европу, которым руководил Батый, и Батый отправил его назад в Каракорум с нелестными оценками. С тех пор они были личными врагами.

И в 1248 году Гуюк двинул свои войска на Батыя. Что имел в виду Батый, посылая Андрея и Александра в Каракорум к своему врагу Гуюку? Можно только догадываться. И зачем сразу обоих отправил?

Столкновение армий не состоялось — Гуюк внезапно умер. Отравили?

Возвращаются Александр с Андреем из Каракорума в 1249 году. Что они там видели, о чем разговаривали?

Они застали там властвование Гуюка. Они видели, как он заканчивал расправляться с выдвиненцами собственной матери Дорегене, которая вроде бы 4 года расчищала ему же путь на трон.

Гуюк активно вмешивался в кадровую политику как других монгольских улусов, так и вассальных государств на огромной территории — от Китая до Грузии. И положение молодых князей при его дворе было очень двусмысленным. Потому что любое их назначение, сделанное Гуюком, могло рассматриваться Батыем как превращение их в агентов Гуюка. А, кроме того, Гуюк сам мог их рассматривать как агентов Батыя, что для них было чревато смертью — при его подозрительности. И еще: Гуюк очень успешно раздувал соперничество между властвующими кланами на вассальных территориях, так что в этом смысле в Каракоруме могла происходить работа по созданию и расширению трещины между молодыми князьями.

Смерть Гуюка во время его похода на Батыя, буквально за неделю до столкновения армий, помогла молодым князьям избавиться от своего положения между Батыем и Гуюком.

Они застали начало регентства вдовы Гуюка Огуль Каймыш, начало подготовки нового

курултая, видели, как началась новая отчаянная внутримонгольская борьба за власть.

1249 году они возвратились на Русь. Трудно сказать, попыталась монгольская регентша использовать их против Батыя или нет. В этот период центр внимания был не на далекой вассальной территории, а на соотношении сил на предстоящем курултае.

Константин Геннадьевич обнаружил, что единственно достоверными оказывались даты. Незадолго до этого он прочитал книгу знаменитого английского историка и философа Коллингвуда «Идея истории», где автор приходил к выводу, что вся наша история пишется с помощью ножниц и клея — что хотим, то и вырезаем, потом куски склеиваем и сами пишем скрепляющие их тексты.

Факт — Андрей становится великим князем Владимирским, а Александр — великим князем Киевским. Это были первый и второй по почетности на Руси титулы, так как никакого Киева в этот момент не существовало — было место с руинами, где раньше стоял город Киев.

Александр с титулом Великого князя Киевского так и остался жить в Новгороде.

Неизвестно, насколько были братья посвящены в детали готовящегося монгольского курултая — скорее всего, не посвящены — Батый был очень осторожен. Он стал старейшиной потомков Чингиз-хана (чингизидов) и активно интриговал, готовясь привести к власти в Каракоруме своего человека.

В 1251 году состоялся-таки курултай, на котором ханом был избран Мунке, Мунке — бывший батыевский военачальник, тот самый, что стёр с лица земли Киев. Одновременно это был внутр монгольский госпереворот, в котором обрушилась более-менее стройная система передачи власти, унаследованная от Чингисхана — к власти пришел улус Толуя при союзе с улусом Джучи (во главе которого стоял Батый), от власти был отодвинут улус Угэдэя, что имело дальние последствия в виде распада Монгольской империи.

Но в 1251 году Батый праздновал победу.

Что видел князь Александр, что слышал, над чем задумывался?

Везде, сколько головой не крути, шли войны. Политические союзы возникали и так же молниеносно распадались.

1241 год — монголы завоевывают Польшу, Силезию, Моравию, Венгрию, Хорватию, Далмацию, Боснию, Сербию и Болгарию. Доходят до Адриатики. И тут умирает Великий Хан Угэдей. И уже не до завоеваний — нужно бороться за внутримонгольскую власть.

В тот же 1241 год — князь Даниил Галицкий (популярная фигура на западе Киевской Руси) развернул войну против Болоховской земли, которая стала незадолго до этого монгольским вассалом — монголы же ушли в это время далеко на Запад. Союзник болоховцев князь Ростислав Черниговский (племянник князя Даниила по матери, между прочим) на помощь им не пришел. Но! В это же время, заключив союз с галицким боярином Владиславом, недовольным князем Даниилом, он выдвигается стремительно из Чернигова и захватывает Галич. Его поддерживают и местные епископы. Войскам Даниила приходится спешно сворачивать боевые операции и возвращаться в Галич, а Ростислав начинает уходить, избегая боестолкновения и завлекая за собой войска Даниила. В это время из Венгрии начинают возвращаться монголы, Даниил, только что воевавший с их вассалом, вступает с монголами немедленно в союз, и уже они догоняют и громят Ростислава.

1244 и 1245 годы — войны Даниила опять с Ростиславом, но последней уже во главе венгерского войска, так как к тому времени успел стать зятем венгерского короля.

1246 — Даниил приезжает в ставку Батыя и признает себя монгольским вассалом.

1247 год — князь Даниил женит своего сына на венгерской принцессе и тут же принимает участие в венгерско-чешской войне, конечно на венгерской стороне. Но, главное, теперь Ростиславу его нечем крыть.

В соседней Литве в это время «правит бал» князь Миндовг.

1248 год — Даниил вторым браком сочетается с сестрой одного из его главных литовских политических соперников — князя Товтивила.

1250 год. Даниил Галицкий, князь Товтивил и несколько других оппозиционных Миндовгу литовских князей, создали коалицию с Тевтонским орденом и напали на владения литовского князя Миндовга.

1251 год — Миндовг совершает ответный политический шаг — принимает католичество, после чего Тевтонский орден выходит из коалиции и переходит на его сторону.

1253 год — Миндовг коронован как король Литвы.

А в 1260 году Миндовг вместе с жемайтами (народность, проживавшая в Литве) уже идет войной на Тевтонский орден.

1254 год — Миндовг выдает свою дочь за сына Даниила Галицкого. И они становятся союзниками. Временно, конечно.

1254 год — переговоры князя Даниила с римским папой закончились тем, что Даниил, как и ранее Миндовг, был коронован как король. При этом объявленный папой Иннокентием IV крестовый поход на монгол остался декларацией — Даниил его проигнорировал. Римский папа тогда ещё не понимал, зачем князю Даниилу коронация понадобилась.

Между тем вскоре после коронации Даниил Галицкий вступает в союз с Тевтонским орденом и начинает войну с ятвягами (народ, проживавший в среднем течении Немана).

1252 — Даниил Галицкий вступает в столкновение с монгольским темником Куремсой, с небольшим отрядом приехавшим собирать дань.

А уже в 1258 он вместе с другим монгольским темником Бурундаем участвует в походе на Литву.

Что должен был обо всем этом думать князь Александр?

Чем больше вчитывался Константин Геннадьевич в исторические материалы, тем больше удивлялся и радовался. Удивлялся он тому, как поразительно рассыпались построения и объяснения историков, как только он проводил «перекрёстный допрос» — обращался к разным источникам, находящимся в открытом доступе в интернете и явно нестыкованным друг с другом. Он шёл по историческому следу, сравнивал даты и события и начал полностью игнорировать всякие высказывания о мотивах действий и (якобы) высказываниях исторических деятелей, обнаружив, что эти «высказывания» появлялись в трудах историков, живших много веков позже и, скорее всего, были ими же придуманы; игнорировал он и свидетельства, имеющиеся у единственного свидетеля, явным образом заинтересованного, чтобы свидетельство было именно таким и никаким другим. Так он усомнился в свидетельстве папского посла Карлини, обнаружив, что он явно дезинформировал папу римского, повышая в глазах последнего свою значимость.

Радовался Константин Геннадьевич тому, что ещё не появился искусственный интеллект, нацеленный на то, чтобы в интернете всё стыковать и нарисовать чистенькую, логичную картинку прошлого.

Откуда что мог знать князь Александр? Купцы, несмотря ни на какие войны, постоянно ходили по своим маршрутам, — войны, как и торговля, были делом обыкновенным, как ветер или дождь, как рождение и смерть. Купцы часто были разведчиками, но они же были и разносчиками всевозможной информации. А кроме того — князья были все переплетены таким количеством родственных переплетений, что информация о тех или иных деяниях доносилась почти всегда по множеству невидимых каналов связи.

В том же 1251 году во Владимире князь Андрей венчается с дочерью Даниила Галицкого. Венчать приехал лично митрополит Кирилл.

В том же 1251 году к Александру дважды приходят послания папы римского.

В первом послании Александру сообщается, что его отец перед смертью якобы перешел в католичество, что предлагается сделать и ему. А в награду — союз с Тевтонским орденом.

Мог ли верить Александр этому посланию хоть сколько-то, понимая, что оно пишется со слов единственного свидетеля смерти отца, папского посла монаха Карпини, после возвращения к папе из путешествия в Каракорум совершившего головокружительную карьеру? Что такого понарасказывал простой монах-францисканец папе, что сразу стал архиепископом?

Во втором послании папа ссылается на ответ князя Александра — якобы его желание перейти в католичество и построить костёл во Пскове, но ничто не подтверждает наличие этого ответа. Скорее всего папские посланники не смущались дезинформировать шефа — проверить достоверность — это было очень сложно.

Впрочем, в других источниках сказано, что послания папы прибыли, когда князь Александр был в Каракоруме, и ждали его.

В отличие от князя Даниила и князя Миндовга князь Александр не стал играть в игры с Тевтонским орденом и папе отказал.

В 1252 году, как только Даниил Галицкий разбивает отряд Куремсы, видимо, не очень ориентируясь во внутримонгольских делах, из ставки хана Батыя, из Сарая выдвигается во Владимир армия Неврюя, громит дружину князя Андрея, зятя князя Даниила, который бежит в Швецию и исчезает с политического небосклона.

После этого князь Александр получает ярлык на княжение во Владимире, для чего уже, оказывается, совершенно нет необходимости ехать в Каракорум.

1254 год — Батый затеял передел сфер влияния внутри улуса Джучи. Если до этого его брат Берке долгое время владел Северным Кавказом и контролировал торговые пути, шедшие через Дербент, то теперь Батый передвинул его на Восток от Волги.

1255 — внезапная смерть Батыя.

1256 — внезапная смерть наследника Батыя, его сына Сартака.

1256 — внезапная смерть наследника Сартака, десятилетнего Улагчи.

1257 год — вдова Батыя, Буракчин-хатун, назначенная регентшей при Улагчи, обвинена в связях с Хулагу, младшим братом великого хана Мунке, руководившим монгольской армией в Иране и Закавказье, и казнена.

К власти в улусе Джучи пришел брат Батыя, хан Берке. К нему, как к выгодоприобретателю, молва и относит все три странные неожиданные смерти: Батыя, Сартака и мальчика Улагчи, а также оговор и казнь вдовы своего брата Батыя.

И что обо всём этом думал Александр? Особенно если учесть, что вдове предыдущего хана, всемогущего Гуюка, бывшую регентшей, пока курултай не избрал ханом Мунке, зашили в мешок и утопили, обвинив в колдовстве.

Берке, захватив престол, не стал повторять ошибки Батыя — ничего не менял, а утвердил за всей монгольской знатью те наделы, которыми они до сих пор владели.

При этом при малейших признаках нелояльности местных князей-вассалов Берке смещал их и вводил прямое монгольское управление. Так было в территориях мордвы и волжских болгар.

Была ещё одна особенность — он был мусульманином. Когда он им стал — доподлинно неизвестно, но сам факт подтверждали разные, не связанные друг с другом источники. Это имело разные последствия — он стал уменьшать влияние монгольских кланов, христиан-несториан. А поскольку одно из монгольских племен, к которому, кстати, принадлежала Оэлун мать Чингисхана, а также Сорхатани, мать ханов Мунке и Хулагу, было некогда обращено в христианство христианами-несторианами, успешно распространившими свою версию христианства на огромные территории, от Персии до Китая, то влияние христиан-несториан было среди монголов значительным.

В ходе этих действий по уменьшению влияния христиан-несториан в Сарае в 1261 году появилась православная епархия.

Другое последствие — попытки Берке играть активную роль в походе монголов на Иран, Междуречье и Ближний Восток, который возглавлял хан Хулагу. Поход начался в 1253 году, и если в короткое время правления Сартака Хулагу ещё получал от улуса Джучи подкрепления, то с появлением во главе улуса Джучи Берке не только подкрепления перестали приходить, но началась открытая вражда. А в 1262 году она переросла в широкомасштабную войну между Берке и Хулагу.

В 1259 году Мунке умер. В Каракоруме началась отчаянная борьба за власть, приведшая в конце концов к распаду монгольской империи.

Но, может быть, можно было обратить при всей этой кровавой чехарде взор на Византию, искать опоры и помощи там?

Может быть и можно было бы, если бы в этот период Византия существовала. Но увы! С 1204 года вместо Византии (империи ромеев, как она сама называлась) существовало четыре разных государства.

Константин Геннадьевич когда-то читал, что тысячелетняя история Византии — это попытка жить по-христиански. С таким настроением он и поднял источники.

В 1204 году войска крестоносцев взяли Константинополь. Перед этим на протяжении нескольких десятилетий в Византии происходили перевороты со сменой правящих династий. Крестоносцы, вообще говоря, собирались, воспользовавшись хаосом, возникшим после смерти знаменитого египетского султана Саладина — борьбой между его наследниками, — отвоевать назад Святую Землю, из которой их выбил Саладин.

Мог ли знать князь Александр подробности всей этой истории?

Крестоносцам не хватало денег, чтобы оплатить венецианцам их перевоз морем в Египет. Те предложили в качестве платы захватить для Венеции вполне католический город-порт в Адриатике — Зодар, принадлежавший тогда Венгрии. Папа римский категорически запретил поход, грозил отлучением от церкви — никого это не волновало. Зодар был взят и разграблен. И там, в Зодаре, их нашел сын последнего свергнутого императора из династии Ангелов — Алексей. Его отец, ослепленный, сидел в тюрьме в Константинополе.

Алексей предложил за свое возвращение в Константинополь и возвращение престола отцу такой «гонорар», что крестоносцы повернули на Константинополь. Папа римский опять запретил им это делать, и опять они наплевали. Были ли крестоносцы на самом деле христианами? Были ли многочисленные византийские высокопоставленные «переворотчики» на самом деле христианами?

Чем больше Константин Геннадьевич вникал в обнаруживающиеся материалы, тем больше рушились представления, которые он считал незыблемыми. Он когда-то читал про то, что князь Александр через Батыя повлиял на распад единой монгольской империи. Это оказалось наивным мифом — распад произошел уже после смерти Батыя. В другом месте «историки» писали о том, что Александр крестил Сартака, видимо, не подозревая о том, что Сартак и так был христианином — от рождения.

Он читал, что благодаря влиянию Александра на Сартака монгольские войска, атаковавшие Ближний Восток, не получили подкрепления от улуса Джучи, поэтому не сумели взять и разрушить Иерусалим. Удивительно, но именно Сартак в период своего недолгого властвования над улусом Джучи отправил войска в распоряжение Хулагу, возглавлявшего поход на Персию и Ближний Восток. А изъял эти войска и даже пошел на конфликт с Хулагу и войну с ним хан Берке. Сохранились документы, свидетельствующие о его исламском вероисповедании, попытках строить свою особую

политику в исламском мире и — на этой почве — столкновениях с Хулагу.

И факт, который скрывался, то, напротив, раздувался, — о том, что брат Александра, великий князь Владимирский Андрей, восстал против монголов, был разбит армией Неврюя, посланной для усмирения восставших, — при ближайшем рассмотрении оказывался не фактом, а домыслом, появившимся когда-то у историков-сочинителей. Так же, как не было и факта натравливания Александром монголов на своего брата Андрея.

Факта восстания не было, а факт смещения и изгнания Андрея был. Почему монголы сделали это? Можно строить множество предположений. Например, такое: Даниил Галицкий, видимо, предположил, что у монголов внутри себя не всё в порядке, и поступил не как военный, а как политический игрок — разбил сравнительно небольшой их отряд, пришедший взимать дань. В ответ монголы в совершенно другое место (где Галич и где Владимир?) отправляют армию и смещают его зятя и руководителя вассального государства, Великого князя Владимирского Андрея. Даниил прочёл, видимо, верно ответ — в дальнейшем уже его войска не противостоят монголам, а оказываются к услугам монголов.

По годам, по фактам — так. А мотивы действий людей? Кто ж это знает?

На кого можно было опираться Александру?

Во время осады Киева монголами загадочно исчезает митрополит Иосиф, присланный из Никеи (в эти времена ставка Вселенского Патриарха, назначавшего митрополитов в Киев, была не в Константинополе, а в Никее). Куда он исчезает? В Никее впоследствии он не появляется — скорее всего, гибнет. Власти на Руси после вторжения монголов начинают стремительно меняться. Никаких признаков того, что кто-либо из Великих князей обращался в Никею с просьбой прислать митрополита — нет. Тогда — инициатива идет снизу. Появляется самопровозглашенный митрополит. Даниил Галицкий тут же решает перехватить инициативу и ставит своего человека митрополитом.

Константинополь почти с начала XIII века — в руках крестоносцев, там живет и здравствует так называемая Латинская империя. Папа Римский пытается из этого

выжать максимум, хотя все последние десятилетия показывали, что политическое влияние папы на тех, кто называется католиками, или, иначе, латинянами, — минимальное. В решающий момент все руководствуются политической прагматикой, а вовсе не христианским мировоззрением. На территории Византии действуют четыре государства — Латинская империя, Никейская империя, Трапезундская империя, Эпирский деспонат; а рядом православное Болгарское царство вполне себе расцветает. А рядом — мусульманские государства.

Вступление в союзы, распад союзов оказывается делом минутным.

Константин Геннадьевич был человеком систематическим, дотошливым. При каждом удобном случае он поднимал очередную тонну исторических материалов, вгрызался в них и пытался в них найти алмазы, отделить их от породы, установить истину.

За это время вспыхнул и погас скандал с диссертацией по истории министра культуры. Судя по прессе, министр культуры утверждал, что вся история есть миф. А мифы — чего хотеть от мифов — пользы для себя и вреда для других.

Можно было бы это принять и успокоиться, но Константин Геннадьевич все искал и искал. Он искал в жизни князя Александра успокоение для себя.

Что становилось видно? Что история не спрямляема. Множество факторов накладываются один на другой, один на другой, все борются со всеми, у каждого властителя в каждом государстве есть те, кто хотел бы его сменить, смерть властителя — почти обязательный хаос, которым почти обязательно пользуются другие властители. Начинают войны одни, а используют — все, кому не лень. Вступая в родственные союзы, можно не только усилиться, но и подставиться — в невидимой шахматной игре с родственником тобой могут сыграть как фигурой — тебя сняв, чтобы объявить шах кому-то.

Константин Геннадьевич вспомнил, как когда-то в конце января 1992 года в Германии попал на вечер немецких пацифистов, которые грустили о том, что человечество нисколько не меняется, что в ответ на оккупацию Ираком Кувейта не нашли ничего другого, как объявить войну Ираку. «Против лома нет приема, кроме как другого лома»

— вспомнились слова из давней полузабытой песенки. Они тогда безнадежно грустили об этом. Константин Геннадьевич тогда пытался прояснить у них причины их грусти — они грустили о том, что христианство к 1992 году так и не пришло на Землю.

Константин Геннадьевич вспомнил, как в 2013 появились откровения Сноудена о том, что абсолютно все разговоры и сообщения в мессенджерах интернета американцы записывают и анализируют, при этом публично провозглашая гуманизм и борьбу за права человека, в том числе право на личную тайну (дело было еще во времена добрейшего и милейшего Обамы). Американцы не стали отнекиваться, а стали требовать выдачи Сноудена — разглашателя государственной тайны.

Друг посоветовал посмотреть ему сериал «Доктор Хаус». Из всего сериала в памяти осталось одна фраза: «все врут».

Во всей обнаруженной Константином Геннадьевичем свистопляски XIII века удивительным предстало одно. Князь Александр, выбрал быть вассалом монголов, и ни разу им не изменял. Впрочем, и судьба его хранила — он не оказался втянутым в распри, междоусобицы монгольского двора — он не оказывался перед выбором, на кого из соперничающих монгольских лидеров делать ставку или кому предложить себя в качестве козырной карты.

Константин Геннадьевич вдруг начал буквально ощущать, как может всё складываться «само собой». Как в результате вереницы военно-политических игр, не имеющих к нему ровно никакого отношения, без всяких видимых усилий со своей стороны князь Александр становится Великим князем Владимирским. Как в результате цепочки ужасных кровавых преступлений на троне в Сарае оказывается хан Берке, мусульманин. И именно он неожиданно оказывается заинтересованным в создании в Сарае православной епархии.

Берке ведет кровопролитнейшие сражения. Но эти сражения внутримонгольские. Он взирает на ни во что не втянутого князя Александра, обеспечивающего ему Русь как на редкость спокойный тыл, и принимает решение — от греха подальше не брать русских в монгольскую армию для внутримонгольских сражений.

Константин Геннадьевич набрел в интернете на взъерошивший его фильм «Верность». Фильм-то был о разрушившей семью ревности. И первоначальное название его было «Ревность». Но режиссер подумала-подумала и заменила название на «Верность». Неужели верность несмотря ни на что, и есть тот успокаивающий ключик, о котором говорил старец?

Константин Геннадьевич вспомнил, как когда-то услышал, что первая из 10-ти Заповедей – это просьба Господа быть ему верным и что высшая стадия умения верить – это умение быть верным. Вспомнил он и свои давние размышления. Почему же Господь избрал для преображения в христианина по имени Павел именно глубоко верующего в правильность своего дела, не имеющего с этого никаких видимых бонусов, последовательного гонителя христиан Савла? С этим и заснул.

А ночью во сне пришел старец, погрозил пальцем и сказал: «Упомни, тебе полезно». Помолчал, а потом: «Аминь».